

ВОЗМЕЩЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЛИЦАМ, НЕ ЯВЛЯЮЩИМСЯ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, В ПОРЯДКЕ РЕАБИЛИТАЦИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы правовой природы права на возмещение вреда, эффективности использования уголовно-процессуального механизма для его защиты и обоснованности включения соответствующих норм в Уголовно-процессуальный кодекс РФ. На основе анализа судебной практики сделан вывод о наличии у судов трудностей с определением надлежащего способа защиты права на возмещение вреда, причиненного в ходе уголовного судопроизводства, и с разграничением компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции, что приводит к нарушению права заявителей на доступ к правосудию и снижает эффективность судебной защиты. Кроме того, сделан вывод о том, что уголовно-процессуальная форма не адаптирована под рассмотрение гражданско-правовых споров о возмещении вреда, в качестве одного из факторов, снижающих эффективность использования уголовно-процессуального механизма защиты имущественных прав, названа невозможность взыскания упущенной выгоды. С учетом данного в статье толкования норм уголовно-процессуального закона автор приходит к выводу о наличии у юридических лиц возможности использования уголовно-процессуальных средств защиты нарушенных имущественных прав в большем количестве случаев, чем у физических лиц, что нарушает принцип равенства перед законом и судом. В статье приводятся способы решения выявленных проблем.*

***Ключевые слова:** лица, не являющиеся участниками уголовного судопроизводства, юридические лица, имущественные права, возмещение имущественного вреда, реабилитация, уголовно-процессуальная форма, доступ к правосудию, принцип равенства перед законом и судом.*

Виталия Владимировна МУРЫЛЕВА-КАЗАК,

аспирант кафедры
уголовно-процессуального
права

Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)

vita.kazak@yandex.ru

125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.74.10.221-230

V. V. MURYLEVA-KAZAK,

*Post-graduate student of the Chair of Criminal Procedure
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

vita.kazak@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

COMPENSATION OF PROPERTY DAMAGE CAUSED TO NON-PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEDURE IN ORDER OF REHABILITATION

Abstract. *The article discusses the issue of the legal nature of the right to compensate harm, the effectiveness of usage of the criminal procedure mechanism for its protection and the reasonableness of the inclusion of relevant in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Based on the analysis of judicial practice, it is concluded that the courts have difficulties in determining the appropriate way to protect the right to compensate harm caused in the course of criminal proceedings and the delineation of competence between arbitration courts and courts of general jurisdiction, which leads to a violation of the applicants' right to access to justice and reduces the effectiveness of judicial protection. In addition, it is concluded that the criminal procedure form is not adapted to the consideration of civil disputes on compensation for harm, the author names the impossibility of collecting lost profits as one of the factors that reduce the effectiveness of the use of the criminal procedural mechanism for protecting property rights. Based on the interpretation of the criminal procedure rules provided in the article, the author concludes that legal entities have an opportunity to use criminal procedure remedies for violated property rights in more cases than individuals, which violates the principle of equality before the law and the court. The article provides ways to solve the identified problems.*

Keywords: *non-participants in criminal procedure, legal entities, property rights, compensation of property damage, rehabilitation, criminal procedure form, access to justice, principle of equality before law and court.*

Действующий уголовно-процессуальный закон предусматривает основания и различные способы ограничения имущественных прав участников уголовного судопроизводства (прежде всего подозреваемого, обвиняемого), а также лиц, которые, исходя из разд. II УПК РФ, никаким процессуальным статусом не обладают (например, супруги или сожители подозреваемых, обвиняемых, не являющиеся свидетелями по уголовному делу, юридические лица, если есть основания полагать, что их имущество было добыто преступным путем или являлось предметом преступления, и т.п.).

При этом на практике накладываемые органами предварительного расследования и судами ограничения не всегда соответствуют нормам УПК РФ, что в последующем порождает у государства обязанность по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) и решениями его органов и

должностных лиц, ввиду незаконного наложения ареста на имущество; его изъятия с приобщением в качестве вещественного доказательства и передачей на хранение иному лицу.

По общему правилу вопросы возмещения вреда, в том числе причиненного государственными органами и их должностными лицами, регулируются положениями гражданского законодательства, однако гл. 18 УПК РФ «Реабилитация» содержит специальные нормы в отношении вреда, причиненного в ходе уголовного судопроизводства. Необходимо отметить, что традиционно институт реабилитации связывается с возмещением вреда и восстановлением прав лиц, в отношении которых незаконно или необоснованно осуществлялось уголовное преследование¹.

Вместе с тем гл. 18 УПК РФ, помимо регулирования непосредственно процедуры реабилитации, предусматривает два случая возмещения вреда лицам, в отношении которых уголовное преследование не осуществлялось: лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу (ч. 3 ст. 133), и юридическим лицам, если вред причинен незаконными действиями (бездействием) и решениями суда, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя (ст. 139).

В целях настоящей статьи подробно рассмотрим два последних случая, поскольку ими охватываются указанные ранее лица, не имеющие процессуального статуса при производстве по уголовному делу.

Наиболее верное толкование приведенных норм дал Пленум Верховного Суда РФ в п. 6 постановления от 29.11.2011 № 17: «Физические лица, не указанные в части 2 статьи 133 УПК РФ, незаконно подвергнутые в ходе производства по уголовному делу мерам процессуального принуждения, а также юридические лица, которым незаконными действиями (бездействием) и решениями суда, прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания в ходе производства по уголовному делу причинен вред (например, вследствие незаконного наложения ареста на имущество юридического лица), не отнесены уголовно-процессуальным законом к кругу лиц, имеющих право на реабилитацию. Однако в случае причинения вреда указанным лицам, они имеют право на его возмещение в порядке, предусмотренном главой 18 УПК РФ»².

В процессуальной литературе возможность возмещения вреда лицам, в отношении которых уголовное преследование не осуществлялось, в рамках гл. 18 УПК РФ неоднократно подвергалась критике. Так, А. Н. Глыбина отмечает, что к субъектам, имеющим право на возмещение вреда в порядке реабилитации, относятся только те лица, которые имеют право на реабилитацию, поскольку иное противоречит сути института реабилитации, в основе которого «лежит признание

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. М., 2020. С. 409.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 05.12.2011. № 273.

невинности лица в инкриминируемом ему деянии»³. Все иные лица, независимо от процессуального статуса, должны осуществлять право на возмещение вреда в порядке гражданского судопроизводства⁴. Аналогичной позиции придерживаются А. А. Подопригора⁵, М. В. Орлова⁶, Р. В. Гаврилюк⁷.

Следует согласиться с тем, что включение законодателем ч. 3 ст. 133 и ст. 139 в гл. 18 УПК РФ небесспорно. Представляется необходимым разграничивать институт реабилитации, относящийся исключительно к лицам, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование, и «институт возмещения вреда, причиненного в рамках правомерного уголовного преследования»⁸, поскольку их реализация обусловлена разными правовыми основаниями и разными субъектами.

С учетом этого ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ должны рассматриваться автономно от реабилитации, а обоснованность наличия данных норм в уголовно-процессуальном законодательстве следует оценивать не столько с точки зрения их соответствия содержанию института реабилитации, сколько исходя из правовой природы регулируемых ими правоотношений, а также возможности эффективно защитить свои права и законные интересы тем лицом, которому был причинен вред. Заметим также, указание в законе на осуществление какого-либо процессуального действия в порядке, предусмотренном для иного действия, является одним из приемов юридической техники и нормой правового регулирования.

Так, например, согласно ч. 1 ст. 115 УПК РФ наложение ареста на имущество, представляющего собой меру процессуального принуждения, происходит в порядке, установленном для получения разрешения суда на производство следственного действия. Согласно ч. 4 ст. 172 УПК РФ обвиняемый, находящийся на свободе, извещается о дне предъявления обвинения в порядке, установленном для вызова на допрос, и т.п.

Таким образом, само по себе разрешение вопроса о возмещении вреда лицам, не подвергавшимся уголовному преследованию, в порядке реабилитации, не представляет собой какое-либо отклонение в возможности применения процессуальной аналогии.

Что касается правовой природы отношений, регулируемых ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ, то данные нормы закрепляют материальное гражданское право на возмещение вреда, в общем виде сформулированное в ст. 53 Конституции РФ, согласно которой каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, поэтому в силу своего содержания должны

³ Глыбина А. Н. Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. С. 122.

⁴ Глыбина А. Н. Указ. соч. С. 123—124.

⁵ Подопригора А. А. Реабилитация в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. С. 10.

⁶ Орлова М. В. Институт реабилитации в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 9.

⁷ Гаврилюк Р. В. Реабилитация в российском уголовном процессе: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 12—13.

⁸ Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2017. С. 1185.

охватываться п. 2 ст. 1070 ГК РФ. Данную точку зрения также последовательно отстаивает Л. К. Острикова⁹.

Правовая природа материального права предопределяет процессуальную форму его защиты, исходя из этого возмещение вреда лицам, указанным в ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ, должно осуществляться в гражданско-процессуальной форме. Вместе с тем логика установления уголовно-процессуальной формы для процедуры реабилитации заключалась в том, чтобы создать реабилитированному более простую процедуру возмещения вреда, чем исковое производство¹⁰.

Так, реабилитированные освобождаются «от бремени доказывания оснований и размера возмещения имущественного вреда, при рассмотрении требований реабилитированных о возмещении такого вреда суд в случае недостаточности данных, представленных реабилитированным в обоснование своих требований, оказывает ему содействие в собирании дополнительных доказательств, необходимых для разрешения заявленных им требований, а при необходимости и принимает меры к их собиранию»¹¹.

Аналогичные правила распространяются на лиц, возмещающих вред в порядке реабилитации. Однако уголовно-процессуальная форма, как и весь уголовно-процессуальный закон, не адаптирована в полной мере под рассмотрение вопросов, связанных с требованием о возмещении вреда, которые на практике часто представляют собой гражданские споры о размере компенсации, подлежащей выплате из бюджета.

Судам в качестве доказательств причиненного ущерба приходится оценивать такие документы, как договоры хранения в отношении предметов, которые в последующем были признаны вещественными доказательствами; договоры на оказание юридических услуг; договоры с контрагентами заявителей, по которым производятся выплаты за нарушение исполнения обязательств ввиду изъятия имущества как вещественного доказательства или его ареста; счета на оплату; акты об оказании услуг и платежные поручения по таким договорам¹² и т.п. И если в гражданском и арбитражном судопроизводстве перечисленные документы являются доказательствами, то для уголовного процесса данный вывод не так очевиден, поскольку, исходя из п. 1 ст. 74 УПК РФ, доказательствами являются сведения, на основе которых устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

⁹ Острикова Л. К. Объем, размер и порядок возмещения вреда, причиненного при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности // Lex russica. 2017. № 5. С. 105—115; Острикова Л. К. Институт обязательств вследствие причинения вреда: современное состояние и пути совершенствования // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12. С. 43—52.

¹⁰ Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2017. С. 1194—1195.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17. П. 17.

¹² См., например: постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 18.03.2019 по делу № А73-4329/2018, постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.09.2017 по делу № А56-47799/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

Размер ущерба, причиненный незаконными действиями (бездействием) или решениями государственных органов в ходе уголовно-процессуальной деятельности лицам, не являющимся участниками уголовного судопроизводства, не связан с основным уголовно-правовым спором и не имеет значения для его правильного рассмотрения и разрешения, а также не входит в предмет доказывания по уголовному делу (ч. 1 ст. 73 УПК РФ) и не относится к подлежащим выявлению обстоятельствам (ч. 2 ст. 73 УПК РФ).

Таким образом, формально документы и сведения, обосновывающие размер причиненного ущерба, подлежащего возмещению на основании ч. 3 ст. 133 и ст. 139 УПК РФ, не являются доказательствами в уголовном процессе.

Более того, в ст. 399 УПК РФ, регулирующей в том числе порядок рассмотрения заявления о возмещении ущерба в порядке реабилитации, используется термин «представленные в суд материалы» (ч. 3, 7), к которым закон требований допустимости, относимости и достоверности не предъявляет, что теоретически может поставить под сомнение выводы суда, сделанные на основе таких материалов.

При этом не совсем ясна логика законодателя в этой части, поскольку, например, размер вреда, причиненный преступлением, устанавливается на основе доказательств, отвечающих указанным требованиям, в то время как с точки зрения гражданского законодательства вред, причиненный преступлением, и вред, причиненный незаконными действиями (бездействием) и решениями государственных органов и их должностных лиц, по правовой природе не различаются и порождают обязательство вследствие причинения вреда (гл. 59 ГК РФ).

Закрепленный в ч. 7 ст. 399 УПК РФ порядок проведения судебного заседания, распространяющийся на рассмотрение заявлений о возмещении вреда, не предполагает наличия спора между его участниками (отсутствие сторон, регламентации их прав и обязанностей, предмета и пределов судебного разбирательства и т.д.), но на практике споры существуют, в частности о размере возмещения вреда¹³. В таком случае в законе должны содержаться соответствующие нормы, гарантирующие реализацию прежде всего принципа состязательности, который обеспечивает законность и обоснованность принимаемого судебного акта.

Кроме того, нередко незаконные ограничения имущественных прав могут приводить к неполучению дохода, на которое лицо могло бы рассчитывать при отсутствии соответствующих нарушений. В первую очередь данная проблема касается субъектов предпринимательской деятельности.

Яркие примеры таких случаев содержатся в определении Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 2698-О: на сдаваемое в аренду имущество юридических лиц в рамках производства по уголовным делам был незаконно наложен арест с ограничением правомочий по владению и пользованию, что повлекло невозможность сдачи данного имущества в аренду в период действия меры процессуального принуждения и неполучение соответствующего дохода в виде арендной платы. Компании обратились в суд в порядке гл. 18 УПК РФ с требованием о возмещении указанного дохода, в удовлетворении которого было отказа-

¹³ См., например: постановление Президиума Воронежского областного суда от 05.11.2014 по делу № 44У-58/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

но, поскольку, по мнению судов, в порядке реабилитации возмещению подлежит только реальный ущерб, взыскание же упущенной выгоды может осуществляться в рамках гражданского судопроизводства. Конституционный Суд РФ каких-либо нарушений прав заявителей положениями УПК РФ не выявил. Аналогичный подход содержится в определении Конституционного Суда РФ от 21.12.2006 № 621-О.

Таким образом, юридическое лицо фактически не может при помощи уголовно-процессуальных средств обеспечить восстановление своих прав в полном объеме и вынуждено повторно обращаться в суд, но уже используя гражданско-процессуальные средства защиты. Иными словами, будет дважды «в целях восстановления справедливости “обивать пороги” казенных учреждений, нести бремя доказывания и другие тяготы»¹⁴. В такой ситуации говорить об уголовном судопроизводстве как эффективном механизме защиты прав не приходится.

Наличие норм о возмещении вреда, причиненного в результате незаконных уголовно-процессуальных действий (бездействия) и решений государственных органов и их должностных лиц, одновременно в ГК РФ и в УПК РФ создает трудности у судов в определении надлежащего порядка рассмотрения данного вопроса и разграничении компетенции между арбитражными судами и судами общей юрисдикции.

Так, Президиумом Ростовского областного суда было отменено решение нижестоящего суда об отказе в принятии к рассмотрению заявления юридического лица о возмещении ему вреда в размере рыночной стоимости теплохода, принадлежащего на праве собственности данному лицу и утраченного в результате незаконной конфискации, вынесенное, несмотря на прямое закрепление соответствующего права в ст. 139 УПК РФ¹⁵.

В другом деле Оренбургский областной суд оставил без изменения определение судьи нижестоящего суда об отказе в принятии искового заявления юридического лица о возмещении ущерба, причиненного в ходе уголовного судопроизводства, указав, что оно подлежит рассмотрению арбитражным судом, поскольку спор связан с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а ст. 139 УПК РФ применению не подлежит, так как в соответствии с ч. 5 ст. 133 УПК РФ возмещение вреда, в случаях, когда оно не связано с реабилитацией, осуществляется в порядке гражданского судопроизводства¹⁶.

В практике арбитражных судов также встречается данная проблема. Например, Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области определением от 31.08.2018 по делу № А56-50657/2018 прекратил производство по делу, возбужденное по заявлению юридического лица, не являвшегося участником уголовного судопроизводства, о возмещении ущерба в виде сумм на оказание юридической помощи, причиненного при производстве по уголовному делу, отметив, что данные суммы являются процессуальными издержками и подлежат

¹⁴ Лазарева В. А., Иванов В. В., Утарбаев А. К. Защита прав личности в уголовном процессе России. М., 2019. С. 263—264.

¹⁵ Постановление Президиума Ростовского областного суда от 18.05.2017 № 44у-101/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Определение Оренбургского областного суда от 01.10.2014 № 33-6293/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

взысканию в соответствии со ст. 131, 132 УПК РФ, а также сославшись на ст. 139 УПК РФ как на возможность защиты нарушенного права. В последующем данное определение было отменено судом апелляционной инстанции¹⁷.

В сходной ситуации оказался заявитель — юридическое лицо по делу № А11-17909/2019, рассматриваемому арбитражным судом Владимирской области. Однако, как верно отметил Первый арбитражный апелляционный суд, отменяя определение суда первой инстанции об отказе в принятии искового заявления: «Предусмотренная статьей 139 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации возможность юридического лица обратиться за возмещением вреда в связи с производством по уголовному делу по основаниям и в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, не исключает возможности того же юридического лица обратиться за защитой своих нарушенных прав в порядке статьи 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой государство отвечает за неправомерные действия государственных органов и их должностных лиц»¹⁸.

Отказы судов в рассмотрении заявлений лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства, о возмещении причиненного ущерба нарушают их право на доступ к правосудию (ст. 52 Конституции РФ), а также снижают эффективность судебной защиты, в то время как размер причиненного ущерба может быть весьма значительным (например, по упомянутому выше делу № А11-17909/2019 сумма исковых требований составила 2,7 млрд рублей).

Одним из дискуссионных вопросов применительно к рассматриваемой проблеме является круг субъектов, имеющих право на возмещение вреда в соответствии с ч. 3 ст. 133 УПК РФ. В частности, в литературе обсуждается, что понимать под мерами процессуального принуждения, незаконное применение которых обуславливает возникновение права на возмещение вреда. В. В. Николюк полагает, что данное понятие «можно трактовать расширительно, т.е. как любые принудительные процессуальные (в том числе следственные) действия дознавателя, следователя, либо в узком смысле, т.е. как меры, перечисленные в разделе 4 УПК РФ “Меры процессуального принуждения”»¹⁹.

Ряд ученых выступает за применение расширительного толкования²⁰, обосновывая это тем, что вред физическим лицам может причиняться не только мерами процессуального принуждения, но и иными принудительными действиями, а также тем, что такой подход соответствует ст. 53 Конституции РФ. Верховный Суд РФ, напротив, разъяснил, что меры процессуального принуждения должны

¹⁷ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.10.2018 по делу № А56-50657/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 17.02.2020 по делу № А11-17909/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Николюк В. В. Субъекты права на возмещение вреда в соответствии с ч. 3 ст. 133 УПК РФ // Российский судья. 2011. № 4. С. 13—17.

²⁰ Николюк В. В. Указ. соч. С. 13—17; Макарова О. В. Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2014. № 5. С. 30—36; Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2017. С. 195.

пониматься в собственном смысле²¹. Данный подход также нашел отражение в решениях судов общей юрисдикции²².

Строго говоря, основания для расширительного толкования понятия «меры процессуального принуждения» действительно отсутствуют, поскольку из текста разд. 4 УПК РФ ясно следует, что под ними понимается. При этом обратим внимание на следующий аспект.

Исходя из буквального смысла ст. 139 УПК РФ, юридические лица имеют право на возмещение вреда, причиненного *любыми* незаконными действиями (бездействием) и решениями, принятыми в ходе уголовного судопроизводства, включая как незаконное применение мер процессуального принуждения, так и иные различные нарушения, например незаконное изъятие имущества в ходе проверки сообщения о преступлении, обыска или выемки и т.д.

В то же время физические лица, подпадающие под действие ч. 3 ст. 133 УПК РФ, имеют право на возмещение в порядке реабилитации вреда, причиненного только в результате незаконного применения мер процессуального принуждения. Вред, причиненный в ходе следственных и иных процессуальных действий, возмещается в порядке гражданского судопроизводства.

Очевидно, что юридические лица, перечисленные в ст. 139 УПК РФ, и физические лица, перечисленные в ч. 3 ст. 133 УПК РФ, для цели возмещения вреда не имеют каких-либо существенных различий, позволяющих предоставить юридическим лицам привилегию в виде большего количества случаев защиты их прав и законных интересов с помощью уголовно-процессуальных средств.

Наличие такой привилегии в действующем уголовно-процессуальном законе представляет собой нарушение принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ). Для устранения данного нарушения законодателю необходимо выработать единообразный подход к возмещению вреда, причиненного в ходе уголовного судопроизводства, но вне рамок уголовного преследования.

Таким образом, на текущий момент гражданское право на возмещение имущественного вреда, причиненного лицам, не являющимся участниками уголовного судопроизводства, которое должно предопределять гражданско-процессуальные средства его защиты, может защищаться с помощью уголовно-процессуальных средств.

Однако, уголовно-процессуальная форма не учитывает характер возникающих правоотношений и не ориентирована на разрешение гражданско-правовых споров, которые возникают при рассмотрении заявлений таких лиц о возмещении вреда. Кроме того, УПК РФ ставит в неравное положение физических и юридических лиц, не являвшихся участниками процесса, чьи права были нарушены в связи с производством по уголовному делу.

С учетом этого требуется либо комплексное реформирование УПК РФ в части рассматриваемого вопроса, либо закрепление гражданско-процессуальной формы защиты права на возмещение вреда. При этом второй вариант представляется более предпочтительным, исходя из различий отраслевой принадлежности права на возмещение вреда и предмета уголовно-процессуального права.

²¹ Это следует из п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17.

²² Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23.12.2019 № 88-2212/2019 по делу № 2-819/2019, апелляционное постановление Верховного суда Удмуртской Республики от 04.02.2014 по делу № 22-257 // СПС «КонсультантПлюс».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Безлепкин Б. Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). — М. : Проспект, 2017. — 507 с.
2. *Гаврилюк Р. В.* Реабилитация в российском уголовном процессе: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2008. — 33 с.
3. *Глыбина А. Н.* Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе РФ : дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2006. — 192 с.
4. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. — М. : Статут, 2017. — 1280 с.
5. *Лазарева В. А., Иванов В. В., Утарбаев А. К.* Защита прав личности в уголовном процессе России. — М. : Юрайт, 2019. — 268 с.
6. *Макарова О. В.* Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе // Журнал российского права. — 2014. — № 5. — С. 30—36.
7. *Николюк В. В.* Субъекты права на возмещение вреда в соответствии с ч. 3 ст. 133 УПК РФ // Российский судья. — 2011. — № 4. — С. 13—17.
8. *Орлова М. В.* Институт реабилитации в уголовном процессе : автореф. ... дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2006. — 25 с.
9. *Острикова Л. К.* Институт обязательств вследствие причинения вреда: современное состояние и пути совершенствования // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 12. — С. 43—52.
10. *Острикова Л. К.* Объем, размер и порядок возмещения вреда, причиненного при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности // Lex russica. — 2017. — № 5. — С. 105—115.
11. *Подопригора А. А.* Реабилитация в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов н/Д, 2004. — 26 с.
12. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. — М. : Норма ; Инфра-М, 2020. — 1008 с.